

УДК 82.09

UDC 82.09

10.00.00 Филологические науки

Philological sciences

ЧЕЛОВЕК И ПАРОХОД: ЗНАКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЗЕ МИХАИЛА ЕЛИЗАРОВА И АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

A MAN AND A STEAMSHIP: SIGNS OF RUSSIAN CULTURE IN MIKHAIL ELIZAROV'S AND ALEXANDER PROKHANOV'S PROSE

Юрьев Денис Юрьевич
аспирант

РИНЦ SPIN-код: 1700-5805

*Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

Yuriev Denis Yurievich
postgraduate student

RSCI SPIN-code: 1700-5805

*Kuban State University
Krasnodar, Russia*

В статье дан анализ романов Михаила Елизарова «Pasternak» и Александра Проханова «Теплоход “Иосиф Бродский”» с точки зрения функционирования в них своеобразных «знаков» русской культуры. Так творчество писателей – нобелевских лауреатов является для современных прозаиков своеобразной призмой, сквозь которую рассматриваются важнейшие для русской истории вопросы: народа и интеллигенции, социальной справедливости, национальной идеи, религии и государственности. Главные темы реализуются через ряд мотивов, главными из которых являются мотивы крови и спасения (Спаса на крови), неоднозначно разрешающих философскую проблему искупления от греховности бытия. Социальная проблематика заявлена через аллюзийный пласт: отсылки к романам Достоевского, «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева, к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и др. С темой искупления органически связана тема спасения человека, которую герои Проханова и Елизарова решают по-своему. Объединяет столь разных по мировосприятию и творческим устремлениям авторов желание запечатлеть свою эпоху, ее перипетии и исторические разломы, в которых великая русская литература всегда играла значимую роль

The article analyzes the novel «Pasternak» by Mikhail Elizarov and Alexander Prokhanov's «Ship «Joseph Brodsky»» in the view of distinctive «signs» of Russian culture functioning in them. Therefore, the work of the writers - Nobel Prize winners is a kind of prism for modern prose writers through which the major questions for Russian history are considered: the people and the intellectuals, social justice, national idea, religion and statehood. The main topics are implemented through the number of reasons, the main of which are the motives of the blood and salvation (the Savior on Spilled Blood), controversially allowing philosophical problem of redemption of the depravity of existence. Social issues are stated through allusion layer: references to Dostoevsky's novels, Radishchev's «Journey from Petersburg to Moscow», Nekrasov's poem «Who lives Happy in Russia». With the theme of redemption organically linked theme of man's salvation, which Prokhanov and Elizarov's characters decide on their own. So different view of the world and creative aspirations of the authors are unified by their desire to capture their era, its reversal of fortune and historical faults in which the Great Russian literature has always played a significant role

Ключевые слова: СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РОМАН, ПИСАТЕЛИ – НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ, ЗАГЛАВИЕ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРИЗМА, АЛЛЮЗИЯ, МОТИВ, ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Keywords: MODERN RUSSIAN NOVEL, WRITERS - NOBEL PRIZE WINNERS, TITLE, ART PRISM, ALLUSION, MOTIVE, PHILOSOPHICAL PROBLEMS

Творческая личность Михаила Елизарова (р. 1973) – одна из самых неординарных в современном литературном процессе. Уроженец Ивано-Франковска, выпускник филологического факультета Харьковского университета, Елизаров на протяжении уже десяти лет создает уникальную

прозу, полностью погруженную в контекст русской жизни советского и постсоветского периодов. На этом пути у автора появилось множество недоброжелателей в виде едких критиков, обвиняющих писателя то в филологической некомпетентности, то в пристрастии к трэшевым сюжетам, в поэтизации насилия и эстетизации смерти, использовании ненормативной лексики, в заигрывании с массовым читателем, поклонником компьютерных игр и голливудских триллеров. Стали привычными сопоставления творчества прозаика с художественными методами Владимира Сорокина, Юрия Мамлеева и даже Эдуарда Лимонова. Однако мнение других литературоведов возводит Елизарова на почетный пьедестал рядом с Гоголем, Милорадом Павичем и Умберто Эко. Доказательством тому две литературные премии – «Русский Букер» (за роман «Библиотекарь», 2008) и НОС (2014, за сборник рассказов «Мы вышли покурить на 17 лет...»). Подобные оценки свидетельствуют о неординарности художественного мироощущения лауреата, декларирующего в многочисленных интервью собственное видение жизни и творчества.

Писательская судьба Александра Проханова (р. 1938) сформировалась совершенно в иных культурных и социально-политических реалиях, а литературная репутация определилась еще задолго до рождения Михаила Елизарова. Но политическая и медийная популярность, награды (Золотая медаль имени А. Фадеева, медаль «Защитнику Приднестровья») и прочие регалии не гарантировали Проханову причисления к числу лучших прозаиков современности. Многие критики считают его последние книги «в большинстве своем художественно несостоятельными, обвиняют писателя в графомании. Признавая талант Проханова-метафориста, они отказывают ему в литературном мастерстве, умении работать в жанре романа», обсуждают вопрос «о прямоте или кривизне его слога и стилистических ошибках» [2, 13]. Лауреат премии имени Ленинского

комсомола (1982), Международной шолоховской премии (1998), премий «Честь имею» (2001) и «Национальный бестселлер»(2002), сегодня свою творческую задачу он видит следующим образом: «Метафизически пережив существование такого огромного тела, как государство, такой планеты “Государство”, я ощутил стремление зафиксировать его в литературе, в словах. Написать портрет государства» [6, 439]. «Запечатленное время», судьба России, перипетии ее истории, «непрямота» человеческих судеб – главная тема и в творчестве Михаила Елизарова. Два художника, столь разные в своих поколенческих вкусах и воззрениях, мифологизируют советскую эпоху и русскую литературу, считывают их знаки, апеллируя к нравственному сознанию современника.

«Культурным шоком» для читателей стал роман Елизарова «Pasternak» (2003). «Нет никакого сомнения, что лет десять назад <...> какой-нибудь насупленный трибун, нарезая ладонью свою пламенную речь на скрижали, потребовал бы “раздавить гадину”. Сегодня же <...> елизаровскому роману грозит разве что ласковое клеймо “ненормальности”» [4]. Вечный русский вопрос об интеллигенции, стоящей в стороне от треволений истории и чаяний своего народа, решается в романе молодого автора с обвинительной прямоотой. На первый взгляд, под удар попадают личность и творчество Бориса Пастернака, и этот факт породил ненавистников Елизарова в филологической среде, а отдельные попытки объективно проанализировать авторский замысел и художественные особенности романа «заглушаются» в потоке резкой критики. О пафосе этих статей можно судить уже по названиям: «Трэш, или мусорный ветер перемен» (В. Шумихин), «Сомнительное удовольствие» (Н. Иванова), «Человек без лица» (А. Кузьменков), «За сельдерей ответишь» (Л. Пирогов) и т. п. Страсти накаляет и сам автор, откровенно признающийся в нелюбви к творчеству Бориса Леонидовича, хотя в этих суждениях больше провокационной «позы» и откровенного

«заигрывания» с читающей публикой. Возможно, что это и тонко продуманный маркетинговый ход, несомненно имеющий результат: споры о книге Елизарова не умолкают и по сей день.

Роман «Pasternak» имеет сложную многоуровневую архитектуру, его, на первый взгляд, не связанные между собой части имеют завершённую композиционную структуру и соотносятся друг с другом на уровне заголовочного комплекса: «Пролог (Живаго)» – часть III «Pasternak» – «Эпилог (Живой Доктор)»; часть I «Дед» – часть II «Отцы». Связующей нитью является судьба одного из главных героев, Василия Льнова, отчаянно сражающегося за христианскую веру и нравственную чистоту человечества. Первая и вторая главы рисуют становление и формирование персонажей, проецируя судьбы современников через призму проблематики романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Разорванная цепь поколений, отторжение от родных корней, увлечение «новомодными» философиями ведут сыновей к духовной смерти, обращают в адептов лжепророков, отвращают от истинной веры. Чистое, наивно-мифологическое сознание деда Мокара, его деревенские педагогика и мудрость, возвращающие силу Льнова (глава «Дед»), оттеняются историей детства Сережи Цыбашева, выросшего в спальном районе Старые Дома («Отцы»). «Цыбашеву повезло с добрыми родителями, но не повезло с окружающим миром. При таком малярном воображении он оказался в обществе людей одержимых и мрачных. Умственные настроения напоминали дух древней Иудеи, когда люди, принешие Евангелие, умерли, оставив безбрежное поле для самых диких его интерпретаций» [3, 151]. На подтекстовом уровне прочитывается антитеза русской жизни дореволюционного и советского периодов, ведь населяют Старые Дома те же крестьяне, выходцы из ярославских и муромских земель, которые «опролетарились в водопроводчиков, дворников и кочегаров» [3, 151]. Для этого «второго поколения» Бог давно умер, и теперь оно питается

материальными «ересями», выпрашивая «пищевую милостыню»: «Инвалид ног Панкратов утверждал, что всякая пища есть Бог. У новой ереси оказались последователи, ибо людям надоело вкушать один хлеб, и многие стали истово поклоняться любому продукту питания, будь то колбаса или плавленый сырок. Гастрономы или продовольственные ларьки объявлялись Домами Бога» [3, 154-155]. Психическое и соматическое состояние Сережи (панический страх, отказ от еды) не поддаются адекватному лечению, и безутешному отцу остается лишь успокаивать ребенка колыбельной: «Никого не будет в доме...». Примечательно, что знаменитому стихотворению Пастернака в этой главе отводится именно функция колыбельной, отвлекающей от земных тревог, «убаюкивающей» сознание человека. Но продуктовые очереди и нищета кирпичных пятиэтажек – ничто по сравнению с перестроечными и постперестроечными реалиями. «Атеистический декаданс» прорастал любовью к Будде, таинственной Шамбале, учению Елены Блаватской: «Отец периодически выныривал из своего омута полуверия, открывал сыновьи книги, пришептывал ламаистские советы» [3, 164]. Создается впечатление, что Елизаров вопрошает к современнику: стоит ли вступать в бой за истину? А, может быть, открыть книгу стихов и утешиться колыбельной? Именно в этой главе раскрывается авторская позиция, нацеленная не на очернение имени нобелевского лауреата, а на попытку понять, какова роль литератора в противоречивом потоке жизненных реалий, действительно ли писатель – пророк «в своем отечестве». Елизаровские комментарии по поводу пастернаковских рифм, разборы лучших его стихов – всего лишь пародирование, нацеленное на глубинное размышление о роли интеллигенции в русской истории. К сожалению, от многих великих идей остались лишь «высушенная оболочка» да окаменевшая школьная классика, размышляет автор. Так произошло с «использованным» Толстым, «зеркалом русской революции»,

отлученным от церкви, и «заброшенным» Пушкиным, прославлявшим «в жестокий век» свободу. Но есть, продолжает Елизаров, и другие, отказавшиеся от активной борьбы, хотя их наследие стало предметом культа, имя – «иконой времени», поэзия – «голосом эпохи». Это «стояние» в стороне от настоящей жизни делает их творчество искусственным, но очень опасным. «Не нужно думать, что художественная литература – зло. Она становится его носителем только в том случае, когда начинает претендовать на духовность, а вот на нее у литературы никогда не было прав. Духовность отсутствует как понятие в этом вымышленном мире. Художественные ландшафты разнятся только степенью демонического. Вред от грубого скоморошничания “Луки Мудищева” невелик. Откуда там завестись дьяволу? Спрятаться негде. А заумный пафос “Розы мира” в сотни раз опаснее своей лживой мимикрией под духовность» [3, 183].

Оппозиции истинное/ложное (любимые категории Толстого), живое/мертвое обыгрываются через имя доктора Живаго. Если в прологе романа Елизарова он – персонаж, фамилия которого напоминает о существовании «вечно живаго Бога», то в эпилоге живой доктор – патологоанатом, цинично препарирующий не только тела, но и неокрепшие души своих студентов. Странная и страшная инверсия проясняется через заголовок книги и название третьей главы – «Pasternak». Автор намеренно дает написание на латинице, подчеркивая, что Pasternak – имя нарицательное, построенное по принципу каламбура. Героям романа, как и Елизарову, непонятна и ненавистна разобщенность русской жизни, ее нелепая и страшная мозаичность, возникшая после распада СССР. Утратив национальную идею, общность культурных и социальных констант, человек в конце 90-х годов XX в. стал «легкой добычей» для «Пастеров Наков» – проводников лжефилософий, носителей враждебных религиозных и политических взглядов. Знаковое стихотворение

«Рождественская звезда», символизирующее в романе «Доктор Живаго» жизнь, становится в романе Елизарова символом смерти – смерти православной веры, русской ментальности. Именно в главе «Pasternak» происходит «скрещение судеб» главных героев – Льнова и Цыбашева. Разными путями они приходят к общему пониманию своего предназначения: спасение человека через активную борьбу с лжедуховностью, с демоном Pasternak. Линию каждого персонажа сопровождает мотив крови, прямого физического уничтожения. Елизарову часто вменяется в вину, что романная ткань изобилует разнообразными способами убийства, хотя писатель признается, что в реальной жизни он является противником насилия. В третьей главе закольцовывается и сюжетика книги: действие начинается в типографии, где множатся собрания сочинений Пастернака и происходит первое убийство, а заканчивается на складе, где никому не нужные тома превращаются либо в окаменевшие останки, либо в «грязную жижу» под ногами героев, погибающих за высокую идею. Переплетаясь, главные мотивы крови и спасения, обретают символическое значение – Спаса на крови, страдания за «человеков».

Этот символ получает художественное осмысление и в романе Александра Проханова «Теплоход “Иосиф Бродский”» (2006). Имя нобелевского лауреата, вынесенное в заглавие книги, с одной стороны, является эмблемой изгнанничества, насильного отчуждения от судеб Родины и своего народа. С другой стороны, это знак возмездия государственной системе, которая, сменив «окраску», продолжает уничтожать тех, кто смеет ей противостоять. Как и в романе Елизарова, в структуре книги Проханова значимым является весь заголовочный комплекс. Аллюзия, присутствующая в эпиграфе (книга Исхода), проясняет авторскую идею: дух невинно осужденного поэта становится Ангелом-хранителем для того, кто готов пролить кровь за спасение

«униженных и оскорбленных» (тематический пласт творчества Достоевского). Названия глав романа – строки из известного стихотворения Бродского «Стансы» («Ни страны, ни погоста...»). Написанное в молодые годы, оно станет пророческим в судьбе поэта – мечта о возвращении на Родину, на «Васильевский остров» (Ленинград) останется неосуществимой. Именно в Петербург (в прошлом – Ленинград) из Москвы лежит путь героев прохановского романа. Москва-Петербург – смысловой палиндром (прием, часто встречающийся и в книгах Елизарова [9]), порождающий ассоциацию с художественным очерком А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Аллюзийные линии будут прослеживаться и на идейно-тематическом, и на структурном уровнях произведений, разделенных двумя столетиями русской жизни.

В героях романа Проханова легко угадываются образы современников. «Духовная дочь» Президента Луиза Кипчак с женихом-миллиардером Францем Малюткой отправляется на теплоходе в свадебное путешествие в компании знаменитых политиков и всемогущих олигархов (губернатор Русак, посол США Киршбоу, мэр Юрий Долгоухий, модельер Словозайцев, председатель Промышленного союза Добровольский, министр обороны Дезодорантов, спикер Грязнов, министр экономического развития Круцефикс, мать невесты мадам Стеклярусова и др.). Их наслаждение жизнью, едой, развлечениями, пресыщенность деньгами – настоящий хоррор, умыло «вытканый» Прохановым по канве нищеты, бесправия, отчаяния, боли и страдания русского человека. И если в травелоге Радищева только во сне героя властители мира могут увидеть собственные руки, обгаренные кровью, то персонажи Проханова с ужасающим удовольствием запускают их во вспоротый живот русалки или в лоно будущей матери, чтобы насладиться черной икрой или извлечь стволовые клетки плода для процедуры омоложения. Теплоход «Иосиф Бродский» прокладывает путь сквозь русскую действительность,

провинциальные города и селенья, в облике которых прочитываются образы некрасовских деревень – Неелово, Знобишино, Разутово, Босово. Вопрос «кому вольготно, весело живется на Руси» получает риторическую заостренность в реалиях XXI века. «Когда ад пришел на улицу, ад вышел из расселин, тектонических разломов, ад пришел в министерства, в парламент, в отношения людей – ад утвердился здесь, с нами рядом. Задача моих романов – изобразить этот ад во всей его кромешности. А также посмотреть, возможно ли его преодоление», – признается Проханов в одном из своих интервью [5]. Примечательно, что путь спасения писатель старшего поколения видит в той же активной борьбе, что и его молодой современник. Нерешительный Президент, отказывающийся избираться на третий срок, не в силах противостоять ни бесчинствам беснующейся элиты, ни нарастающей ненависти «рабов». Стихи Иосифа Бродского, звучащие в сцене гадания по книге, становятся голосом-медиумом, предвещающим исполнение высшего наказания. Главный герой, Василий Федорович Есаул, чувствует себя во время магического обряда «пронзенным одной булавкой» с умершим поэтом. Ведьма Толстова-Кац считает, что гадание нужно совершать именно по книге Бродского, ведь «Бродский – это тот, кто подает человечеству знаки, уводя за собой сбившуюся с пути историю» [7, 192]. «Есаул смотрел на портрет в лакированной рамке – выпуклые, печальные, переполненные тайными слезами глаза, наклоненная голая шея, словно ее побрили перед ударом топора, горько сжатые губы, познавшие тщету славословий, вкусившие полынь молчания <...> Есаул переживал странное прозрение. Иудей Иосиф Бродский и он, Есаул, донской казак, были лютыми врагами по крови, обильно пропитавшей грешную русскую землю. Но их астральные тела обагрили метафизической кровью одну и ту же стальную ось, по которой текли и сливались струйки их *метафизической крови*, создавая таинственную общность их творческих душ и судеб, обреченных на поиск

истины, на жертвенность, на поношение близких, на нестерпимую, непреходящую боль» (курсив – наш, Д. Ю.) [7, 194; 199]. Материализовавшийся дух Бродского, внешне напоминающий Мастера из романа Булгакова, покидает корабль и уходит по водам – «тощий, одинокий, в сторону берега, оставляя на воде след, подобный росчерку ветра» [7, 206].

Идея спасения через активное «противление злу» (метафорический Спас на крови) в книге Александра Проханова прочитывается и через ряд художественных деталей, одна из которых открывает роман – бесценная икона, подарок американскому послу, вырванный из самого сердца русской жизни: «На диване, прислоненная к кожаной спинке, стояла икона – старинный Спас. Грубые черные доски в щербинках и метинах, покрытые древним нагаром, несмываемой копотью лампад и свечей, глубинным смоляным теплом бесчисленных молений, воздыханий и поцелуев, превратили икону в чудесное хранилище русской красоты и боли. Быть может, последний царь в предсмертной тобольской ссылке вместе с цесаревичем и исстрадавшейся в предчувствиях царицей стоял перед этим образом на коленях <...> Спас взирал с укоризной. Офицер (*Есаул*), правитель страны, кому судьба вменила защищать и спасать Россию, он был бессилен сберечь родную святыню, чудотворный образ, увозимый в плен оккупантами и разорителями Родины. Русский Бог смотрел на него с осуждением и угрюмым презрением. И это казалось проклятьем, отлучением от благодати и святости, сбросом во тьму» [7, 20-21]. Именно из тьмы, из недр земли, из взорванной штольни приходит и возмездие. Молодой шахтер, заваленный горной породой, будет пробираться к свету, чтобы отомстить за смерть ребенка и жены, за «кровь невинных», пролитую ради «барских забав». Река русского времени уже готова утопить «в пропасти забвенья» сиюминутных «властителей» и продолжить свой путь в вечность.

Державинский вопрос о предназначении художника раскрывается в своеобразном эпилоге романа, героем которого становится сам Александр Проханов, любующийся Зимним дворцом и стрелкой Васильевского острова. Прижизненная слава – ускользающая субстанция, размышляет писатель-Проханов, и какая-то неведомая сила уже влечет героя-Проханова соединить разрозненные строчки – названия восьми глав романа – в нечто цельное, истинное: «Он обмакнул перо в чернильницу и, побуждаемый таинственной силой, уповая не на память, а на чей-то звучащий в нем голос, начертал:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
Твой фасад темно-синий
я в потемках найду,
между выцветших линий
на асфальт упаду.

Смотрел, как высыхают чернила. Думал, какой печальный и изысканный стих» [7, 541].

Исследователь А. Д. Степанов размышляет: «Елизаров пишет о потребности единения и веры» [8]. «С какой страстью посылает Проханов рефлексирующих героев своего поколения на линию огня! Состраданию он предпочитает действие в защиту страдающих», – констатирует критик В. Бондаренко [1]. Таким образом, современная русская проза позиционирует мысль о невозможности «невключенности» писателя и литературы в решение наболевших проблем своего государства, на действенное отстаивание нравственных идеалов, исключаящее позицию «равнодушных наблюдателей». Метафорическими «полюсами» этого

участия/неучастия в перипетиях русской жизни в романах Елизарова и Проханова стали Пастернак и Бродский. P.S. Человек и Пароход.

Литература

1. Бондаренко В. Имперский герой Александра Проханова // Бондаренко Владимир. Дети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cprf.info/prohanov/index.shtml>
2. Ерофеева М. А. Проза А. А. Проханова (проблематика и поэтика). Дисс. ... к.ф.н. – 10.01.01 Русская литература. – Тверь, 2010.
3. Елизаров Михаил. Pasternak: Роман. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 304 с.
4. Пирогов Лев. Архипелаг Pasternak [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-10-02/6_pasternak.html
5. Проханов А. Я ни разу в жизни не был в отпуске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alljournals.ru/articles354.html>
6. Проханов А. Я пишу портрет государства // Бондаренко В. Г. Живи опасно. – М.: НД «ПоРог», 2006.
7. Проханов А. А. Теплоход «Иосиф Бродский»: роман. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. – 524 с.
8. Степанов А. Д. Созидание через разрушение: русская литература 2000-х годов // Современные проблемы науки и образования. – № 6. – 2014. С. 13-35.
9. Юрьев Д. Ю. Палиндром как средство смысловой и композиционной организации романа Михаила Елизарова «Мультики» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп: изд-во АГУ, 2013. – Вып. 4. С. 167-170.

References

1. Bondarenko V. Imperskij geroj Aleksandra Prohanova // Bondarenko Vladimir. Deti [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.cprf.info/prohanov/index.shtml>
2. Erofeeva M. A. Proza A. A. Prohanova (problematika i poetika). Diss. ... k.f.n. – 10.01.01 Russkaja literatura. – Tver', 2010.
3. Elizarov Mihail. Pasternak: Roman. – M.: ООО «Ad Marginem Press», 2012. – 304 s.
4. Pirogov Lev. Arhipelag Pasternak [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-10-02/6_pasternak.html
5. Prohanov A. Ja ni razu v zhizni ne byl v otpuske [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.alljournals.ru/articles354.html>
6. Prohanov A. Ja pishu portret gosudarstva // Bondarenko V. G. Zhivi opasno. – M.: ND «PoRog», 2006.
7. Prohanov A. A. Teplohod «Iosif Brodskij»: roman. – M.: ЗАО Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2014. – 524 s.
8. Stepanov A. D. Sozidanie cherez razrushenie: russkaja literatura 2000-h godov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – № 6. – 2014. S. 13-35.
9. Jur'ev D. Ju. Palindrom kak sredstvo smyslovoj i kompozicionnoj organizacii romana Mihaila Elizarova «Mul'tiki» // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija i iskusstvovedenie». – Majkop: izd-vo AGU, 2013. – Vyp. 4. S. 167-170.